

Кудров В.

А.П. Чехов (к годовщине со дня смерти)

Источник: Россия (Нью-Йорк). 1933. 19 июля. № 15. С. 2.

Внезапно наступило больное для России 2-ое (15-ое) июля 1904 года, пронеслась буйным ветром по ее просторам жуткая весть и потрясла ее: и дворовую, и чиновную, и бедную, и богатую, интеллигентную.

И весть та была:

Умер Антон Павлович Чехов!

Все понимали, что покинул Россию, ушел из мира – писатель Волею Божией, исключительный талант, человек, для которого – человеческая душа НЕ была «потемки»!

Она была ясна ему, всеми своими извилинами, болезнями и радостями, она была подвластна его правдивому тонкому перу, из-под которого простыми, но яркими и жизненными штрихами вставала, поднималась и росла Русь, именно такая, какой она была в действительности, без прикрас, без очернения и без обеления!

Но вот много лет прошло уже со дня смерти Антона Павловича! Считаешь и жутко становится: сколько жизни ушло, сколько этапов страданий прошла Русь!.. И все же, до настоящих дней осталась.

Подумайте, как много действительного, реального, живого материала, жестоких извилин русской души дала и дает сейчас страдающая Русь, окровавленная годами революции, эмигрантская, – «в армяке, с открытым воротом!»

Быть может простодушные типы вроде Мыслителя Яшкина уже не существуют в той мере, как они выведены у Чехова, но сколько их новых, окрашенных или полу окрашенных в революционные цвета, охамившихся, разнуздавшихся, философствует и по сие время, начиная с ненужности запятых и буквы «ѣ» и кончая ненужностью религии и государственного единства!

Нам, смертным, понимающим это и любящим Россию трудно найти подходящие слова, уловить должное направление для борьбы с этими «Мыслителями новейшей формации».

За последнее время столько было сказано и логично, и возвышенно, и просто, и зажигательно, что, кажется, больше нечего говорить о том, что нам нужно делать, как и к чему стремиться! Нужно только дело!

И несмотря на все сказанное, облик каждого из нас недостаточно ясен нам, не достаточно очерчен, ибо это нужное мастерство, – гений Чехова, до сих пор непревзойденный не может даже быть сравниваемым с кем-либо.

Россия вся безгранично впиталась и, если бы Чехов был жив, впитывалась бы и поныне в его душу, покорно воплощаясь под его пером и уходя в века истории такой, какой она есть, простодушной и великой, большой и надломленной, бесконечно доброй и несчастной!

Сочувствие ближнему – черта русского народа; оно же было основной и отличительной чертой Чехова, и это в значительной степени объясняет способы и

подходы его творчества, где он был в ореоле точного и правдивого воплощения мысли, где он показывал читателю ясно и жизненно четко всю горечь повседневной жизни «до дна». Порой в своем творчестве Чехов был не только грозен, но даже страшен, т.к. он знал не только положительные или общие стороны человеческой души, но и ее темные бездонные пропасти пошлости и цинизма. Нельзя найти оправданий им, когда перед собою видишь всеобъемлющий мозг Антона Павловича, стоящий выше простых, слабых объяснений, и ответом на таковые оправдания могла бы быть лишь его улыбка – улыбка идеи – «сквозь слезы»!

В ней заключается исключительно спутанный клубок грусти и смеха, скорбь о недостатках жизни, масс, это – кривое зеркало! Вот почему даже его критика справедливо говорит: «Написал “Невесту” и “Вишневый сад”, но даже и в этих гимнах молодости – струны печально звенели! Чехов в свое время писал Московскому Художественному Театру:

– Написал я комедию, но, кажется, вышел фарс! Но мы видим, что «фарс» оказался глубокою, сильною драмою «Вишневого Сада».

Стараясь не столько оценить годовщины его смерти – он оценен большими меня, всей Россией, всем миром, – сколько отдать ему свою личную, скромную, посильную дань преклонения, я должен еще раз констатировать, что своим бытовым творчеством словесного писания Руси А. Чехов значительно продвинул и временем отшлифовал творчество другого литературного гения и своего предшественника Н.В. Гоголя.

Слова последнего даже высеченные на его могильном памятнике – Горьким моим словом посмеюся – одинаково памятны и вполне приложимы к Чехову, завершителю этого литературного периода.

Взирая на жизнь, подмечая ее в ее обнаженном виде, Гоголь давал красочные картины ее на фоне дивного описания природы, на фоне певучести и вдохновенности, присущей только русскому языку, но и у него прорывался надлом:

– Матушка, спаси своего сына! Урони слезинку... прижми ко груди... ему нет места на свете... его гонят!

Так, устами сумасшедшего говорил Гоголь! Такая же, в главных чертах, грусть, безнадежность и страдание сквозь смех и в типах Чехова. Так понимается, так чувствуется мне. Ибо – нас тоже гонят!

И проходят они, проходим все мы перед моим грустным взором, устремленным к его безвременно выросшей могиле, длинной чередой: – все те же, но в духе времени!

А когда пройдем... Бог весть... знаем лишь – что – не скоро!